

АРХИТЕКТУРА КАК МОДЕЛЬ ПОНИМАНИЯ И ОБЪЯСНЕНИЯ МИРА

Стеклова И.А.

ГОУ ВПО «Пензенский государственный архитектурно-строительный университет», Пенза, Россия (440028, Пенза, ул.Титова, 28), e-mail: i_steklo60@mail.ru

В статье поднята проблема происхождения смыслов архитектуры, обретающая в ситуации современного архитектурного проектирования повышенную актуальность. Представлена стратегия первого исследования глубоко укорененных представлений об архитектуре посредством образов, пришедших в отечественную норму восприятия из художественной литературы. Носители пространственных характеристик в архитектурных объектах описываются феноменологически и трактуются на платформе герменевтики, старающейся объяснить всю совокупность историко-гуманитарных сведений о мире и людском бытии. В целом, даже дилетантское объяснение архитектуры, как и ее профессиональный комментарий, а также проектирование и строительство, зиждется на архетипах и так или иначе обозначаемой геометрии, в частности, на гравитационной вертикали и горизонтальной протяженности. Выдвинуто предположение о том, что архитектура как константа пространства предлагает не только понимание о мире, но и объясняет мир собою – визуально расшифровывает его неоднозначность во множестве регистров: порядок и хаос, красота и польза, простота и сложность и т.п.

Ключевые слова: архитектурное пространство, архитектоника, картина мира, базовые и культурные универсалии, Пушкин

ARCHITECTURE AS WORLD EXPLANATION AND UNDERSTANDING

Steklova I.A.

«Penza State University of Architectural and Construction», Penza, Russia (440028, Penza, Titova str.,28), e-mail: i_steklo60@mail.ru

The article raises the problem of the architecture meanings origin acquiring increased relevance in the situation of the contemporary architectural design. A strategy for the first research of the deep-rooted ideas about architecture through the images that came from literature perception to the domestic norm is presented. Carriers of the spatial characteristics in architectural objects are described phenomenologically and treated on the hermeneutic platform, which seeks to explain the whole historical and humanitarian information about the world and the human being. Generally, even amateurish explanation of architecture as it professional commentary, design and construction is based on the archetypes and whole designated geometry. It is suggested that the architecture as a space constant offers not only a world understanding, but a world explain by themselves - visually deciphered its ambiguity in many registers: order and chaos, beauty and use, simplicity and complexity, etc.

Keywords: architectural space, architectonics, world view, basic and cultural universals, Pushkin

Архитектура в познании мира

Архитектура – немая, но красноречивая часть реального мира. По словам Н.В. Гоголя,

«она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе. Пусть же она, хоть отрывками, является среди наших городов в таком виде, в каком она была при отжившем уже народе. Чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его жизни и погрузила бы нас в его быт, в его привычки и степень понимания и вызвала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвышения» [3].

Приходя в мир, каждый человек обязательно познает архитектуру как его повсеместное прощание – и чувственно, посредством образов, и рационально, посредством абстрактных умозаключений. Данные способы, несмотря на разницу происхождения, вряд ли противостоят друг другу. Во всяком случае, оба равно не поддаются хладнокровной объективации, даже если относятся к столь монументальной объективности, лишенной фальсификаций времени, ибо всякий, без исключения, акт познания включает в себя страстный вклад личности. Впрочем, познание – всеобъемлющая категория. Для беспредельного мира, в его частях и в целом, оно настолько многообразно, что, по утверждению М. Хайдеггера, декларировавшего тождество «Строить – Жить – Мыслить», не может рассматриваться как самый фундаментальный из модусов отношения к нему. Таковым, скорее, предстает понимание, а извлекаемой из него целью – смысл, представляющий в великом и могучем языке группу синонимичных категорий.

Архитектура в понимании и объяснении мира

Понимание – анархия познания, то глубинное течение, которое спонтанно, без приложения дополнительных усилий выталкивает на чистую поверхность смыслы явлений реального мира, рожденные в синергетических схватках интеллекта и интуиции. Получается, что нормой для любого дееспособного человека, и в его экзистенциальном, и в обусловленном культурой опыте, выступает интенция вездесущего уникального понимания, хранящего атавизмы памяти об архаическом пространстве. Там даже самые отвлеченные образы одеваются в пластику и цвет, принимают известные трехмерные конфигурации, вовлекаются в направленное движение. Что позволяет, например, вероятностной метафизике рассматривать в работе сознания геометрию мироздания как взаимодействие почти голографически организованных реальностей:

И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу,
Стремглав низвергнуться в кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль с ветром быстротечным
Носиться в пустоте, пространством бесконечным... [5]

Понимание – априори пространственная познавательная процедура в постижении некоего духовного синтеза, и та или иная степень понимания архитектуры как константы пространства свойственна всем людям: «Реальность всегда дается совместно с сознанием, которое осмысляет ее, причем акт осмысления является одновременно и актом трансформации» [10].

Индивидуальная умозрительная трансформация одного предмета обуславливает столь же индивидуальную трансформацию второго, третьего, четвертого и т.д., сливаясь в органику мировосприятия как в мирный фон неподвзятости творческого соотнесения. Поскольку общее понимание здесь предвосхищает частное, то в понимании какой-то из частей отражается, преломляясь, общее. Например, каждое непосредственное сближение с объектом архитектуры оборачивается отражением чьего-то частного понимания о качествах пространства, которое неминуемо резонирует с пульсацией эстетических и этических воззрений эпохи. При всем том данному объекту, кроме отражательной, в отрицании или согласии, функции, свойственна и мощная преобразовательная функция. Преобразуя мир, архитектура преобразует и понимание о нем. Она преподносит, бескорыстно предлагает это понимание для добровольного усвоения в специфически переделанной из природы форме, мотивируя, в итоге, понимание человека о самом себе.

Понимание архитектуры, чреватое энергией самопознания, не может быть ни точным, ни полным, ни общим, однако, может иметь общие особенности. Исследованию таких особенностей посвятила себя герменевтика, стараясь понять все, что только можно понять, и, соответственно, объяснить всю совокупность историко-гуманитарных сведений о мире и людском бытии. Хотя В. Дильтей противопоставлял метод понимания естественнонаучному методу объяснения как две чуждые производные: от интуиции и от аналитических способностей рассудка, – объяснение преимущественно пониманию. Оно целенаправленно моделирует пространственную картину понимания.

Объяснение – та познавательная активность, что конструирует смыслы явлений реального мира включением их в логику известных отношений и зависимостей. Дисциплинированное объяснение архитектуры, в отличие от ее беззаботного понимания, требует как минимум алгоритма: исходного знания; обоснования объяснения в структуре определенных средств, условий, законов; решения конкретных задач по совершенствованию исходного знания в обоснованно предпочтенной структуре объяснения. Напряженность данной процедуры, как правило, вознаграждается: здесь раскрываются не только искомые предметные, но и глобальные смыслы. Вплоть до того, что в череде

архитектурно-композиционных моделей представляется динамика развития ценностных приоритетов цивилизации, где сменяют друг друга «статическое, гармонически-пластическое пространство древней Греции, мистериальное, вертикально-иерархическое пространство средних веков, геометрически-оптическое пространство Ренессанса, театральное-драматическое пространство барокко, рационализованное, динамическое пространство современной архитектуры» [4] и т.д.

Вероятно, архитектура предлагает не только понимание о мире, но объясняет мир собою – расшифровывает его неоднозначность визуально, во множестве регистров: порядок и хаос, красота и польза, простота и сложность и т.п. Примирение всего этого демонстрируется и в чувственно воспринимаемой тектонике, и в стилистических программах, лоббируемых превалирующим вкусом истории. В целом, даже дилетантское объяснение архитектуры, как, собственно, ее профессиональное проектирование и строительство, зиждется на так или иначе обозначаемых геометрических универсалиях и прежде всего на неколебимых декартовых осях, которые несут и массы, и пустоты объекта и образуют в нем, в видении А. В. Бокова, «швы, линии деления, расчленения», способные «выступать независимо в качестве формопорождающих обстоятельств» [1]. Прецеденты радикальной идеализации их первостепенности хорошо известны. Например, П.Я. Чаадаев, которого М.К. Мамардашвили считал единственным самостоятельным философом России, запросто объединял таковыми египетские пирамиды и готику: «Сопоставьте вертикальную линию, характеризующую эти два стиля, с горизонтальной, лежащей в основе эллинского зодчества <...> эта огромная антитеза сразу укажет вам глубочайшую черту всякой эпохи и всякой страны, где только обнаруживается. В греческом стиле <...> вы откроете чувство оседлости, домовитости, привязанности к земле и ее утехам, в египетском и готическом - монументальность, мысль, порыв к небу и его блаженству; греческий стиль <...> оказывается выражением материальных потребностей человека, вторые два – выражением его нравственных нужд...» [8].

Последнее цитирование, как и все цитирование, сопутствующее данному рассуждению, иллюстрирует кульминацию объяснения архитектуры, устремленного к легитимности признания, – критический формат его убедительного озвучания. Без последнего любой смысл, понятый в архитектуре, которая ничего не воспроизводит, кроме себя самой, предстает подозрительным и уязвимым, вопреки тому, что «всякое сооружение открыто последующему привнесению в него не просто дополнительного, но, быть может, самого прямого значения» [2]. Объяснение смыслов – это и объяснение происхождения убедительности их озвучания, формируемой в разветвленных механизмах культуры, включая вербальные. Выход

познавательных процедур именно туда эволюционно закономерен. Собственно, «от Ницше до Хайдеггера, от Фреге до Куайна язык проявляет себя как центральная проблема современной постметафизической философии; никакое другое поле проблем не достигает такой значимости... Традиционная онтологическая постановка вопроса сама заключена в структуре языка» [9]. То есть язык объяснения архитектуры обречен на онтологический статус.

Ф. Ницше, реконструировавший процесс понимания, действительно, рассматривал зависимость языка от понимания, и не только прямую. Он считал, что сначала в уме возникают образы, затем слова, затем категории. Значит, и строгие, и художественно раскованные понятия формируются в существующих словах, порожденных предшествующим пониманием, уплотняя и в том, и в другом случае ресурсы собственной объективности. По его мнению, объяснение – язык – оказывает обратное воздействие на понимание. В процессе понимания и объяснения, ставя вопросы о смыслах бытия и отвечая на них, та же герменевтика устремилась к возможностям языка как субстанции, образующей вопросы и воплощающей форму гипотетических ответов. Понимание, по Х.-Г. Гадамеру, – волевое проникновение в деятельность конкретного языка, непосредственно транслирующего герменевтический опыт, та точка, где человек и мир встречаются и обнаруживают исходное единство. Разумеется, понимание смыслов архитектуры не миновало обнаружения единства и в судьбоносной встрече с русским языком, настоятельно нуждаясь в увеличивающем зеркале, в усиленной резкости, яркости, контрастности вербального отражения.

Фантом ментальных укрупнений, обобщений, прогнозов завладел Россией в романтическую пору. Романтизм с его манией вскрывать повсюду потаенные смыслы занесло и в архитектуру за добычей чего-то сверх пользы, прочности, красоты. Для пытливых романтиков получаемое таким путем отражение обещало более высокую одухотворенность. Хотя в архитектуре России, как, впрочем, и в архитектуре других стран, романтизм не создал самостоятельной композиционной системы, он сильно влиял на нее как форма мировоззрения, мировосприятия, побуждая интерес к местным традициям и истории. Получилось, что под влиянием трактовок архитектуры из-под пера Карамзина, Батюшкова, Жуковского, Чаадаева, Гоголя, Одоевского и т.д. собирался тот объемный образ мира, в котором пересеклись история, философия, эстетика, этика и т.п. А вербализация архитектурного знания, подготовленная развитием словесно-архитектурной культуры XVIII и особенно начала XIX в., после 1830 г. бесконечно усиливается. Можно выстроить довольно точную траекторию того, как слог, расчищаемый молодой изящной словесностью, атаковал архитектурную мысль, возвышая ее до фактора прямого воздействия на практику. В частности, здесь прозревается

главная причина поразительной живучести «русского архитектурного идеализма», как назвал это явление Вл.В.Седов.

В онтологии понимания, погруженного в диалектику языка, нет сомнений, что именно художественная литература и поэзия, в первую очередь, указывают путь к истине. Истолкование предельной компрессии поэтического слова стало одной из главных целей герменевтической философии. С ее позиций магнетические, зарифмованные и не зарифмованные формулы должны играть в исследовании смыслообразования в архитектуре роль самого авторитетного фильтра. Смыслы архитектуры, как и остальные смыслы действительности, жаждут взаимности в поэтическом слове, ищут ее. Впрочем, бывает, что не ищут, а обнаруживаются как бы сами по себе, уже угодившими в цель, и даже не обнаруживаются, а незаметно впитываются (чем более метко попадают, тем незаметней впитываются) от расплескивания чьего-то избыточного дара, правда, не редкого, а непревзойденного. Речь – о бессрочных по значимости и сверхорганичных по читательскому усвоению результатах некоего встречного движения: о культивируемой с отроческих лет расположенности А.С. Пушкина к контакту с архитектурой и об архитектуре, прорывавшейся в поэзию и прозу молчаливо, но неуклонно.

Разумеется, Пушкин не был выдающимся знатоком зодчества, не занимался его системной рефлексией, не различал узкопрофессиональных вопросов и т.п. Но есть поэтические и прозаические обороты глубже любой системы философских обобщений, а также слог, способствующий их передаче одними обертонами. Поэт был причастен к архитектуре не многим более других представителей современной ему культурной элиты России, только в силу совпадения энциклопедической образованности, абсолютного вкуса и внутренней свободы именно ему удалось затронуть те сущностные смыслы, что обеспечивают приближение к этому феномену. В частности, этот автор первым представил диапазон динамических состояний архитектуры, исходя из потенциала ее формальных свойств. Например, изобразил пассивную и активную ипостаси таковой. Первую – в вариантах безмятежного пейзажа с речкой, которая «извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезьями» [6]. Вторую – в шокирующем оживлении города с форсированным архитектурным началом:

Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце

С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне [7].

Заключение

Знаменитая способность поэзии делать ясным все для всех и внедрять эту ясность в чужое сознание рационально непостижима. Однако на результаты этой, перепроверенной временем, способности есть резон опираться. Оказалось, что интонированные формулы Пушкина, и в поэзии, и в прозе, проясняющие наперед все для всех и заставляющие заучивать себя наизусть, обладают исключительным ассоциативным, ориентирующим господством. Заряженные пространственностью, они проникли во все сферы российского бытия, включая архитектуру, которая не просто познавалась с ними, но понималась и объяснялась. Более того, вольно или невольно, всем фронтом контролируемых преобразований: от генплана до интерьера, – архитектура становилась и для специалистов, и для обывателей образцовой, если не идеальной моделью понимания и объяснения мира, где уже в готовом виде гармонически увязывались его прагматические и культурно-символические потенции с их попутными смысловыми наслоениями. Что в общем-то не удивительно: здесь разумность иерархии человеческих ценностей обоснована эмпирически, в оптимальном для любого стороннего понимания порядке, когда одно опирается на другое, неся на себе третье. Влияние этого тектонического порядка усугубляется к тому же его эстетическим выражением, а значит, еще более проникновенной убедительностью, которую остается лишь убедительно описать.

Список литературы

1. Боков А.В. Геометрические универсалии архитектуры в картине мира. — М.: НИИТАГ, 1995. — С. 19.
2. Ванеян С.С. Архитектура и иконография. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии. — М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2007. — С. 3–4.
3. Гоголь Н.В. Об архитектуре нынешнего времени. 1831 // Полное собрание сочинений в 14 т., Т. 7. Статьи. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 73.
4. Мурина Е.Б. Проблемы синтеза пространственных искусств. — М.: Искусство, 1982. — С. 89–90.

5. Пушкин А.С. Анджело // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 т. — Л.: Наука, 1977–1979. — Т. 4. — С. 267.
6. Пушкин А.С. Дубровский // ПСС. — Т. 6. — С. 157.
7. Пушкин А.С. Медный всадник // ПСС. — Т. 4. С. — 285.
8. Чаадаев П.Я. О зодчестве // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. — М., 1989. — С. 353.
9. Kohler J. Die Grenze von Sinn. Zur strukturalen Neubestimmung des Verhdlnisses Mensch-Nature. — Freiburg-Munchen: Albert, 1983. — P. 15.
10. Skolimowsky H. Model of Reality as Mind // Old and New Questions in Physics, Cosmology, Philosophy, and Theoretical Biology. — New York: Plenum Press, 1983. — P. 780.

Рецензенты:

Волков С.Н., д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой «Философия» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет», г. Пенза.

Жаткин Д.Н., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой «Перевод и переводоведение» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет», г. Пенза.